

зисъ и трагическую развязку. Сильверъ и Мьетта, какъ Хлоя и Дафнисъ, бродятъ повсюду вмѣстѣ. Ночью Мьетта купается и плаваетъ на глазахъ Сильвера, а потомъ одинъ и тотъ же плащъ покрываетъ ихъ обоихъ. Но, чтобы придать реальному новѣйшую окраску, Золя не ограничился обращеніемъ къ классицизму; ему былъ нуженъ символъ—символъ романтический, съ тѣмъ, однако, чтобы не слишкомъ удалиться отъ реализма. Великій романтикъ Делакруа помѣстилъ въ своей извѣстной картинѣ: „*Sur les barricades*“, молодую дѣвушку, въ красномъ фригійскомъ колпакѣ, съ саблею въ рукѣ. Она нѣсколько напоминаетъ у него богиню Свободы; возлѣ нея мальчикъ изъ народа, вооруженный, со взглядомъ, грозно устремленнымъ вдаль. Можно подумать, что именно эта картина промелькнула въ воображеніи Золя. Мьетта также предлагаетъ инсургентамъ нести ихъ знамя. Но они не считаютъ ее достаточно для того сильной, а она показываетъ имъ тогда свои руки, бѣлыя и мощныя. „Посмотрите, — говоритъ она, и, быстро сбросивъ съ себя козью шкуру, снова накидываетъ ее на себя, выворотивъ предварительно на лицо ея красную подкладку. При блѣдномъ сіяніи луны Мьетта предстала предъ инсургентами какъ бы въ широкой пурпуровой мантии, ниспадавшей къ ее ногамъ... Канишонъ, задержанный косою дѣвушки, накрылъ ей голову на подобіе фригійскаго колпака. Она схватила знамя и крѣпко прижала древко къ своей груди... Въ эту минуту она была настоящею дѣвою Свободы“.

Вотъ гдѣ для насъ удобный случай прослѣдить шагъ за шагомъ, какъ „темпераментъ“ автора можетъ преобразжать наблюденіе надъ „природой“. Золя, очевидно, хотѣлъ всѣмъ этимъ сказать, что тотъ ребенокъ, который впослѣдствіи палъ, накрытый знаменемъ, съ пулею въ груди, и есть сама свобода, пораженная „переворотомъ“. И таковъ всегда бываетъ литературный приѣмъ Золя, когда онъ намѣревается произвести эффектъ возвышеннаго и чистаго характера...

Посмотримъ теперь, какъ дѣйствуетъ Золя, когда у него дѣло состоитъ въ томъ, чтобы вызвать впечатлѣніе наивнаго блаженства. Въ своемъ „*l'Assommoir*“, Золя описываетъ пиршество рабочей семьи, а пиршество это состоитъ все изъ одного гуся; бѣднякамъ не откуда было достать для стола еще что-нибудь. Прежде всего, Золя докладываетъ, что этотъ гусь былъ громадный, и дѣйствительно, у него этотъ гусь оказывается какимъ-то колоссомъ, утопающимъ въ соусѣ. Около него сидятъ человѣкъ двадцать, и всѣ они ѣдятъ его съ ожесточеніемъ, какъ будто передъ этимъ постились цѣлую недѣлю; они давятся этимъ един-